**Дата поступления рукописи в редакцию: 30.08.2026 г.**
**Дата принятия рукописи в печать: 01.10.2026 г.**
DOI: 10.24412/2224-9133-2026-9-105-113

***СОРОЧКИН Роман Александрович,***
*профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), доктор юридических наук,*
*e-mail: roman4789@rambler.ru*

# *АРЕСТ ИМУЩЕСТВА В УПК РФ: ПУТЬ К СТАНДАРТАМ АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА*

***Аннотация.*** *Актуальность исследования обусловлена цифровизацией экономики и усложнением структуры активов, при которых традиционный «статичный» подход к аресту имущества в уголовном процессе (ст. 115 УПК РФ) становится неэффективным. Существующая модель не учитывает динамическую природу современных прав (корпоративных, цифровых), что позволяет недобросовестным лицам обесценивать активы, формально соблюдая запрет на их отчуждение. Цель исследования – теоретическое обоснование необходимости конвергенции уголовно-процессуальных и арбитражных стандартов обеспечения иска для создания гибкого механизма защиты прав потерпевших и интересов государства. Научная новизна состоит в авторской концепции трансформации ареста имущества в систему «обеспечительных мер уголовного судопроизводства», позволяющих дифференцированно ограничивать не только вещные, но и корпоративные, управленческие и обязательственные права. Предмет статьи составляет сравнительно-правовой анализ институтов ареста имущества по УПК РФ и обеспечительных мер по АПК РФ и ГПК РФ по критериям целеполагания, стандартов доказывания, круга ограничиваемых прав и процессуальных гарантий. Результаты исследования представлены в виде конкретных предложений по реформированию ст. 115 УПК РФ, дополнению этого же кодекса новой статьей 115.2 и принятию руководящих разъяснений Пленумом Верховного Суда РФ. Самостоятельность сделанных выводов подтверждается разработанным автором механизмом «точечных» ограничений и переходом от принципа «целостного ареста вещи» к ограничению конкретных полномочий владельца актива в зависимости от степени угрозы.*

***Ключевые слова:*** *арест имущества; наложение ареста на имущество, цифровизация уголовного судопроизводства, меры процессуального принуждения.*

***SOROCHKIN Roman Aleksandrovich,***
*professor of the department of criminal procedure and criminology, All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), doctor of law*

# *SEIZURE OF PROPERTY IN THE CRIMINAL PROCEDURE CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION: THE PATH TOWARD THE STANDARDS OF ARBITRATION PROCEDURE*

***Annotation.*** *The relevance of the study is driven by the digitalization of the economy and the increasing complexity of asset structures, under which the traditional "static" approach to the seizure of property in criminal proceedings (Article 115 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation) becomes ineffective. The current model fails to account for the dynamic nature of modern rights (corporate, digital), allowing unscrupulous persons to devalue assets while formally complying with the prohibition on their alienation. The purpose of the study is to provide a theoretical justification for the need for convergence between criminal procedural and arbitration standards for securing a claim to create a flexible mechanism for protecting the rights of victims and the interests of the state. The scientific novelty lies in the author's concept of transforming property seizure into a system of «interim measures of criminal proceedings», which allow for the differentiated restriction of not only property rights but also corporate, managerial, and obligational rights.*

*The subject of the article is a comparative legal analysis of the institutions of property seizure under the Criminal Procedure Code (CPC RF) and interim measures under the Arbitration Procedure Code (APC RF) and the Civil Procedure Code (CPC RF) based on the criteria of goal-setting, standards of proof, the scope of restricted rights, and procedural guarantees. The research results are presented in the form of specific proposals for reforming Article 115 of the CPC RF, supplementing the code with a new Article 115.2, and adopting guidance clarifications by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation. The independence of the conclusions is confirmed by the mechanism of "targeted" (point-based) restrictions developed by the author and the transition from the principle of "integral seizure of an object" to the restriction of specific powers of the asset holder depending on the degree of threat.*

***Key words:*** *seizure of property; imposition of seizure on property; digitalization of criminal proceedings; measures of procedural coercion.*

В современной правовой доктрине и правоприменительной практике назрела необходимость переосмысления института ареста имущества (ст. 115 УПК РФ). Существующая модель этой меры процессуального принуждения, сформированная в условиях приоритета вещных правоотношений, обнаруживает свою концептуальную недостаточность в эпоху цифровизации экономики и усложнения структуры активов.

На сегодняшний день арест имущества в уголовном процессе ориентирован преимущественно на лишение собственника возможности распоряжаться объектом в гражданско-правовом смысле (продажа, дарение, залог). Однако во многих случаях «замораживание» титула собственности на долю в уставном капитале или пакет акций не препятствует совершению действий, обесценивающих этот актив.

Можно выделить следующие ключевые аспекты проблемы.

Во-первых, уголовно-процессуальный закон рассматривает имущество как статичный объект (вещь), в то время как современный актив – это динамический комплекс прав. Так, арест доли участия в хозяйственном обществе без возможности ограничения корпоративных прав (права голоса, права на смену единоличного исполнительного органа, права на принятие решений о реорганизации или одобрении крупных сделок) превращает процессуальное ограничение в фикцию. Подозреваемый или аффилированные с ним лица, формально соблюдая запрет на отчуждение доли, могут через корпоративные механизмы осуществить вывод ликвидных активов предприятия, оставляя следствию и суду «пустую оболочку» юридического лица [1, с. 57]. Напротив, в гражданском и арбитражном судопроизводстве истец обладает широким инструментарием обеспечительных мер (ст. 91 АПК РФ, ст. 140 ГПК РФ), позволяющих гибко реагировать на риски (вплоть до запрета совершать определенные управленческие действия). А потерпевший в уголовном процессе – субъект, пострадавший от более общественно опасных деяний, чем гражданско-правовые деликты – ограничен жесткими и малоэффективными рамками ст. 115 УПК РФ. Это препятствует достижению целей конфискации и возмещения ущерба.

Во-вторых, текущий порядок наложения ареста не предусматривает дифференцированного подхода к управлению арестованным имуществом. Если в арбитражном процессе обеспечительные меры могут быть направлены на сохранение существующего состояния (status quo) с учетом специфики бизнеса, то в уголовном процессе арест может привести к параличу законной предпринимательской деятельности, либо, напротив, к неконтролируемому расхищению активов из-за невозможности оперативного вмешательства в порядок пользования и управления ими.

Таким образом, назрела необходимость трансформации ареста имущества из механического запрета на распоряжение в систему уголовно-процессуальных норм об «обеспечительных мерах уголовного судопроизводства» (условное определение в рамках этого исследования). Такая мера должна позволять ограничивать не только имущественные, но и корпоративные, обязательственные, управленческие и иные права, обеспечивая баланс между презумпцией невиновности и гарантией исполнения итогового судебного решения [2, с. 211].

В настоящей работе предпринята попытка сопоставления между «классическим» арестом имущества (ст. 115 УПК РФ) и обеспечительными мерами, применяемыми в гражданском и арбитражном судопроизводстве (глава 13 ГПК РФ, глава 8 АПК РФ).

Выбор параметров сравнения обусловлен необходимостью декомпозиции обеспечительного механизма на составляющие, охватывающие весь «жизненный цикл» процессуального ограничения: от инициации и обоснования до исполнения и ответственности. Совокупность этих критериев позволяет выявить, на наш взгляд, системные недостатки уголовно-процессуального регулирования. Применение указанных ниже критериев позволяет выстроить методологическую базу для заимствования наиболее эффективных элементов частноправового регулирования в

публично-правовую сферу уголовного процесса. Это необходимо для создания универсального механизма уголовно-процессуального обеспечения исполнения конфискации и гражданского иска в уголовном судопроизводстве, способного эффективно функционировать в условиях современных рыночных отношений.

Целеполагание и функциональное назначение мер. Первым параметром сравнения является функциональное назначение рассматриваемых мер, которое предопределяет всю дальнейшую логику их применения. В российском праве цели наложения ареста на имущество в уголовном процессе и принятия обеспечительных мер в цивилистическом процессе имеют точки соприкосновения, но существенно различаются по своей глубине и охвату.

В уголовном судопроизводстве (ст. 115 и др. УПК РФ) целью наложения ареста является обеспечение исполнения приговора в части: гражданского иска, взыскания штрафа, возможной конфискации имущества, других имущественных взысканий.

Функционально арест в УПК РФ носит преимущественно «обеспечительный» характер. Его задача – физически и юридически «удержать» объект в распоряжении государства до момента постановления приговора. При этом закон акцентирует внимание на сохранении самого объекта как потенциального источника взыскания, зачастую игнорируя его функциональное состояние и экономическую ценность. В гражданском и арбитражном процессе (ст. 139 ГПК РФ, ст. 90 АПК РФ) обеспечительные меры преследуют более широкие и гибкие цели: обеспечение исполнения судебного акта (аналогично УПК), предотвращение причинения значительного ущерба заявителю (превентивная функция), сохранение существующего состояния отношений (status quo) между сторонами до разрешения спора.

В арбитражном процессе обеспечительная мера рассматривается не просто как «замок на имуществе», а как инструмент управления рисками. Цель состоит в том, чтобы к моменту вынесения решения истец не получил «пустую» победу. Именно поэтому арбитражный суд может запретить совершать действия, которые формально не являются отчуждением имущества, но ведут к утрате его ценности (например, запрет на допэмиссию акций, размывающую первоначальный пакет). Таким образом, функционал ст. 115 УПК РФ в настоящий момент является узконаправленным и статичным. В то время как гражданский и арбитражный процессы ориентированы на «защиту интереса» (права на получение удовлетворения), уголовный процесс до сих пор ориентирован на «удержание объекта».

Для эффективного уголовного преследования по экономическим составам необходимо расширить целеполагание ст. 115 УПК РФ. Она должна включать не только «обеспечение приговора», но и «предотвращение обесценивания активов, за счет которых может быть возмещен ущерб». Переход к такой функциональной модели позволит обосновать правомерность ограничений, выходящих за рамки простого запрета на отчуждение, – например, ограничение управленческих полномочий, если они используются для преднамеренного банкротства предприятия, имущество которого находится под арестом. Стандарты и бремя доказывания оснований применения. Основания для применения мер процессуального принуждения определяют ту «доказательственную планку», которую должен преодолеть инициатор меры для ограничения прав субъекта. В этом аспекте наблюдается существенное различие между формализованным подходом уголовного процесса и оценочным, риск-ориентированным подходом цивилистического процесса.

В уголовном процессе стандартом доказывания является наличие «достаточных оснований полагать». На практике этот стандарт зачастую интерпретируется судами упрощенно и формально. Для наложения ареста на имущество подозреваемого или обвиняемого следствию достаточно доказать два факта: наличие статуса субъекта в уголовном деле и принадлежность ему имущества на праве собственности. В отношении имущества «иных лиц» (ч. 3 ст. 115 УПК РФ) стандарт выше – требуется доказать, что имущество было получено в результате преступных действий либо использовалось в качестве орудия или средства совершения преступления.

Проблема заключается в том, что в уголовном процессе фокус доказывания направлен исключительно «в прошлое» (на происхождение имущества). Вопрос о том, существует ли реальный риск отчуждения или обесценивания актива «в будущем», часто остается за рамками судебного исследования, воспринимаясь как некая презумпция, вытекающая из самого факта совершения преступления. В арбитражном и гражданском процессе применяется стандарт «разумности и обоснованности» (prima facie). Заявитель обязан доказать, что непринятие мер может затруднить или сделать невозможным исполнение судебного акта, либо причинить значительный ущерб. Здесь стандарт доказывания носит прогностический характер. Суд оценивает не только формальное право собственности, но и: соотношение меры и заявленного требования (пропорциональность); наличие реальной угрозы (например, действия по выводу активов, подготовка к продаже); баланс интересов сторон (не приведет ли мера к неоправданным убыткам).

В арбитражной практике бремя доказыва-

ния распределено более четко: заявитель должен представить конкретные доказательства подозрительного поведения оппонента. Уголовный же процесс, оперируя широким понятием «интересов правосудия», фактически освобождает следствие от детального обоснования необходимости конкретного ограничения (например, почему нужен именно запрет на голосование акциями, а не просто запрет на их продажу). Таким образом, действующий в УПК РФ стандарт доказывания оснований ареста имущества является избыточно жестким в части установления связи с преступлением (для третьих лиц) и одновременно избыточно формальным в части обоснования необходимости самой меры (для обвиняемых).

Для реформирования института можно было бы интегрировать в УПК РФ подход, характерный для АПК РФ. При наложении ограничений на корпоративные или управленческие права следствие должно доказывать не только «преступность» происхождения актива, но и наличие конкретной угрозы использования этих прав во вред целям уголовного судопроизводства. Это позволит избежать необоснованного вмешательства в экономическую деятельность при сохранении эффективности обеспечительного механизма. Круг и характер ограничиваемых прав. Центральным звеном в дивергенции рассматриваемых институтов является объем правомочий, которые могут быть ограничены в рамках процессуального обеспечения. Здесь наиболее ярко проявляется дефицит уголовно-процессуального регулирования, ограничивающего эффективность защиты прав потерпевших в делах об экономических преступлениях.

В уголовном судопроизводстве правовая природа ареста имущества традиционно сводится к ограничению классической триады собственника, при этом акцент делается почти исключительно на праве распоряжения. Согласно буквальному смыслу закона, арест имущества состоит в запрете собственнику или владельцу имущества распоряжаться и в необходимых случаях пользоваться им, а также в изъятии имущества и передаче его на хранение.

Проблема заключается в том, что «распоряжение» в уголовно-процессуальном понимании трактуется узко – как запрет на совершение сделок по отчуждению (продажа, мена, дарение) или обременению (залог). При этом за рамками правового поля ст. 115 УПК РФ остаются иные правовые возможности субъекта, которые не являются актами распоряжения имуществом в строгом гражданско-правовом смысле, но прямо влияют на его экономическую сущность. В первую очередь речь идет о корпоративных правах, вытекающих из владения долей или акциями, и обязательственных правах требования. В арбитражном и гражданском судопроизводстве перечень ограничиваемых прав является открытым. Законодатель позволяет суду налагать запрет на совершение определенных действий, касающихся предмета спора. Это позволяет ограничивать: корпоративные права (запрет голосовать по определенным вопросам повестки дня: например, о ликвидации, реорганизации, одобрении крупных сделок, запрет на смену единоличного исполнительного органа, запрет на выплату дивидендов); обязательственные права (запрет на уступку права требования (цессию), запрет на зачет встречных требований, запрет на изменение условий договоров, влекущих уменьшение активов); интеллектуальные права (запрет на предоставление лицензий, на государственную регистрацию перехода прав на товарные знаки или патенты).

Можно говорить о том, что действующая редакция ст. 115 УПК РФ исходит из того, что, ограничив титульное право собственности, государство достигает целей обеспечения. Однако в современной экономике владение активом (например, контрольным пакетом акций) ценно не само по себе, а через возможность реализации управленческих полномочий. Если обвиняемый сохраняет право голоса, он может легально обесценить арестованное имущество, приняв решение о выводе активов на дочерние структуры или о заключении кабальных сделок.

Для разрешения этой проблемы необходимо концептуальное расширение круга ограничиваемых прав в уголовном процессе. Арест имущества должен трансформироваться в комплексную обеспечительную меру, позволяющую суду дифференцированно ограничивать любые права – имущественные, корпоративные, интеллектуальные и управленческие – если их использование может привести к сокрытию активов или невозможности исполнения приговора. Речь идет о переходе от «ареста вещи» к «аресту правового статуса» владельца актива в части его полномочий, влияющих на ценность данного актива.

Объекты, на которые накладывается ограничение. Эффективность обеспечительного механизма напрямую зависит от того, насколько точно законодатель определяет перечень объектов, подлежащих ограничению. В условиях «цифровой» и «сервисной» экономики фокус смещается с материальных вещей на сложные имущественные комплексы, права требования и нематериальные активы. Сравнение УПК РФ и цивилистических кодексов выявляет серьезный разрыв в восприятии объекта правовой охраны.

В уголовном процессе объектом ареста традиционно выступает «имущество». Несмотря на широкое понимание этого термина в гражданском праве (ст. 128 ГК РФ), уголовно-процес-

суальная практика тяготеет к его материализованному восприятию. Основными объектами становятся: недвижимое имущество, транспортные средства, наличные денежные средства и средства на счетах (фактически – обязательственное право требования к банку), ценные бумаги (с установлением специфического порядка по ст. 116 УПК РФ).

Однако современная преступность в сфере экономики оперирует объектами, которые с трудом укладываются в «вещную» логику ст. 115 УПК РФ. Например, арест цифровых финансовых активов, криптовалют, прав на использование результатов интеллектуальной деятельности или доменных имен часто наталкивается на отсутствие четких процедур в УПК РФ. Более того, уголовный процесс не рассматривает в качестве самостоятельного объекта предприятие как имущественный комплекс (ст. 132 ГК РФ), предпочитая арестовывать отдельные его части, что может вести к утрате системной стоимости актива.

В арбитражном и гражданском процессе перечень объектов практически не ограничен, поскольку обеспечительные меры могут быть наложены на любое имущество или имущественные права, принадлежащие ответчику. Ключевые отличия заключаются в возможности воздействия на: имущественные права (права требования: дебиторскую задолженность, право на получение выплат по государственным контрактам или страховых возмещений и др.); цифровые права и нематериальные активы (например, доменные имена, аккаунты в распределенных реестрах и права на программное обеспечение); совокупность прав, связанных с участием в юридическом лице. Сегодня мы наблюдаем, как уголовно-процессуальное регулирование «сохраняет верность» материальным объектам, в то время как арбитражный процесс давно перешел к обеспечению в отношении любого актива, имеющего экономическую ценность. В уголовном процессе отсутствие четкой категоризации «невещных» объектов ведет к тому, что преступные доходы, переведенные в сложные финансовые инструменты или цифровые права, остаются вне зоны эффективного досегательства следствия.

Для модернизации УПК РФ необходимо закрепить возможность наложения ограничений на имущественные комплексы и имущественные права, включая цифровые. Объект ареста в уголовном процессе должен быть идентичен любому объекту гражданских прав. Только признание «права» (в том числе корпоративного) полноценным объектом уголовно-процессуального принуждения позволит блокировать схемы по легализации преступных доходов, где ценность актива заключается не в его физической форме, а в юридической возможности его реализации или обмена. Виды и содержание ограничительных мер. Данный параметр позволяет оценить внутреннее наполнение правового ограничения. Здесь наблюдается фундаментальное различие между характером ареста в уголовном процессе и набором инструментов в цивилистическом процессе.

В уголовном судопроизводстве содержание меры носит универсальный и преимущественно пассивный характер. Оно сводится к двум основным правовым состояниям: запрет на распоряжение (стандартный элемент любого ареста); запрет на пользование (применяется реже). УПК РФ фактически не предлагает следователю и суду «меню» различных запретов. Арест накладывается как единое, нерасчленяемое обременение. В постановлении суда обычно указывается общая формула: «наложить арест, выражающийся в запрете распоряжаться». Такая недифференцированность порождает проблемы в сложных делах: например, если для обеспечения иска достаточно запретить только одну конкретную сделку или только одно конкретное действие (допустим, передачу актива в субаренду), суд в рамках УПК РФ вынужден налагать полномасштабный арест, который может парализовать всю хозяйственную деятельность субъекта.

В арбитражном и гражданском судопроизводстве содержание мер характеризуется высокой степенью специализации. Законодатель прямо предусматривает возможность: запрещения ответчику совершать определенные действия, касающиеся предмета спора (например, запрет голосовать по вопросу ликвидации ООО); запрещения другим лицам совершать определенные действия (например, запрет регистратору вносить записи в реестр акционеров); возложения обязанности совершить определенные действия, направленные на предотвращение порчи или ухудшения состояния имущества.

В АПК РФ обеспечительные меры могут быть «хирургически» точными. Суд может запретить не «распоряжение долей вообще», а, например, только «голосование по вопросу одобрения сделки с недвижимостью предприятия». Это позволяет блокировать вредоносные действия, не прекращая нормальное функционирование бизнеса. Полагаем, что уголовно-процессуальный арест страдает от избыточной жесткости и отсутствия вариативности. Он действует по принципу «все или ничего». В то же время арбитражный процесс оперирует концепцией конкретных запретов и обязательств, что позволяет достигать целей обеспечения с минимально необходимым вмешательством в права субъекта.

Для совершенствования уголовного законодательства необходимо отойти от понимания ареста как единого запрета на распоряжение.

В ст. 115 УПК РФ следует закрепить перечень дифференцированных мер, аналогичный ст. 91 АПК РФ. Это позволит суду в уголовном процессе конструировать содержание ареста индивидуально: например, запретить обвиняемому-акционеру голосовать за смену директора, но оставить ему возможность получать дивиденды для оплаты услуг адвокатов, или запретить продажу лицензии на программное обеспечение, разрешив при этом его текущую эксплуатацию. Такой переход от «универсального замка» к «набору точечных ограничений» сделает уголовный процесс более современным и экономически адекватным.

Субъективный состав лиц, чьи права подлежат ограничению. Субъективный предел действия процессуального принуждения в уголовном праве традиционно жестко привязан к статусу участника дела, что в условиях современных экономических реалий создает существенные препятствия для правосудия.

В уголовном процессе круг лиц, чье имущество может быть арестовано, строго детерминирован. К ним относятся: 1) подозреваемый, обвиняемый; 2) лица, несущие по закону материальную ответственность за их действия (гражданский ответчик); 3) другие лица (ч. 3 ст. 115 УПК РФ), если есть достаточные основания полагать, что имущество получено в результате преступных действий либо использовалось как орудие или средство совершения преступления. Основная коллизия здесь кроется в категории «других лиц». Уголовно-процессуальный закон требует доказывания прямой связи конкретного имущества с преступлением для наложения ареста на активы лиц, не являющихся фигурантами дела. Однако современные преступные схемы предполагают использование номинальных владельцев, подконтрольных офшорных компаний и сложных фидуциарных структур, где доказать «преступность происхождения» конкретной доли в ООО или пакета акций на этапе предварительного следствия бывает крайне затруднительно. В результате реальные бенефициары активов, оставаясь в тени, сохраняют контроль над имуществом.

В арбитражном и гражданском процессе субъективный состав участников обеспечительного правоотношения значительно шире и гибче. Меры могут быть направлены на: ответчика; третьих лиц, даже если они не являются стороной спора, но у них находится имущество ответчика или они совершают действия, влияющие на предмет спора; органы управления юридического лица (в рамках корпоративных споров).

В цивилистическом процессе суд может запретить регистратору, депозитарию, налоговому органу или банку совершать определенные действия. Более того, концепция «контролирующего лица», активно развиваемая в праве банкротства и арбитражной практике, позволяет налагать ограничения на активы тех, кто фактически распоряжается имуществом, независимо от формального титула.

По нашему мнению, ограничение прав лиц, формально не причастных к преступлению, но контролируемых обвиняемым, в УПК РФ обставлено чрезмерными барьерами. В то же время арбитражный процесс исходит из приоритета фактического контроля и целесообразности обеспечения.

Для повышения эффективности борьбы с экономическими преступлениями необходимо интегрировать в УПК РФ возможность наложения обеспечительных мер на имущество и права любых лиц, в отношении которых имеются достаточные основания полагать, что они действуют в интересах или под контролем подозреваемого/обвиняемого. Это позволит легально ограничивать корпоративные и управленческие права номинальных директоров и учредителей, через которых обвиняемый пытается вывести активы. Субъективный состав в УПК РФ должен сместиться от «процессуального статуса» к «фактическому обладанию ресурсом», способным обеспечить интересы потерпевшего.

Процессуальный порядок и сроки рассмотрения ходатайства. Скорость и внезапность применения ограничений являются критическими факторами эффективности любой обеспечительной меры. В условиях высокоскоростного оборота цифровых и корпоративных активов любая задержка в процессуальном оформлении запретов делает их бессмысленными. Сравнение УПК РФ с цивилистическими кодексами по параметру процессуального порядка выявляет существенные различия в уровне оперативности и механизмах принятия решений. В уголовном судопроизводстве процедура наложения ареста на имущество жестко регламентирована и вписана в общую логику судебного контроля за следственными действиями. Следователь с согласия руководителя следственного органа (или дознаватель с согласия прокурора) возбуждает перед судом ходатайство, которое должно быть рассмотрено судьей в течение 24 часов с момента поступления.

Несмотря на установленный краткий срок, уголовно-процессуальный порядок страдает от «институциональной неповоротливости». Цепочка «следователь – руководитель – суд» создает временные лаги. Кроме того, специфика судебного заседания в УПК РФ, даже проводимого без извещения сторон, зачастую требует представления объемных материалов уголовного дела для подтверждения обоснованности подозрения. В делах о сложных экономических преступлениях подготовка такого «пакета обоснования» может занимать дни и недели, в течение которых осве-

домленный о следственных действиях фигурант успевает совершить корпоративные маневры по выводу активов.

В арбитражном и гражданском процессе реализован стандарт максимальной процессуальной оперативности. Рассмотрение заявления об обеспечении иска осуществляется: без извещения сторон; не позднее следующего дня после поступления заявления в суд (а в арбитражном процессе зачастую и в день поступления); на основании минимально необходимого набора документов, подтверждающих вероятность причинения ущерба.

Уголовно-процессуальный порядок наложения ареста на имущество в его нынешнем виде является избыточно бюрократизированным и медленным для защиты от современных способов вывода капитала. Пока следователь согласовывает ходатайство, обвиняемый через удаленные сервисы может провести общее собрание участников, сменить директора и заключить кабальные сделки. Для реформирования УПК РФ можно заимствовать модель «незамедлительного судебного приказа», характерную для обеспечительных мер в АПК РФ. Порядок наложения ограничений (особенно в части корпоративных и управленческих прав) должен предусматривать возможность принятия судом решения в течение нескольких часов с момента фиксации угрозы выводу активов.

Гарантии прав лиц, чье имущество арестовано. Сравнение УПК РФ с цивилистическими кодексами по этому параметру демонстрирует фундаментальное различие между формальным судебным контролем и развитой системой материально-правовых гарантий и компенсаторных механизмов. В уголовном судопроизводстве система гарантий носит преимущественно процедурный характер. Основными инструментами защиты прав собственника являются: судебный порядок наложения ареста, предполагающий проверку обоснованности ходатайства следователя; право на обжалование постановления суда в апелляционном и кассационном порядке; установление и продление срока ареста, что было введено после вмешательства Конституционного Суда РФ для предотвращения «бессрочных» ограничений.

Однако в уголовном процессе полностью отсутствуют механизмы встречного обеспечения или ответственности за убытки, причиненные наложением ареста. Если в итоге лицо будет оправдано, а его бизнес за время ареста имущества и корпоративных прав пришел в упадок, механизм реабилитации (глава 18 УПК РФ) покрывает лишь прямой материальный ущерб и моральный вред, но крайне неэффективен в части компенсации упущенной выгоды или утраты стоимости бизнеса как действующего предприятия.

В арбитражном и гражданском процессе система гарантий сбалансирована и направлена на минимизацию рисков злоупотребления правом на обеспечение: встречное обеспечение (суд может обусловить принятие мер предоставлением заявителем гарантии (денежного залога на депозит суда) на случай причинения убытков ответчику); замена одной меры другой (ответчик имеет право ходатайствовать о замене ареста конкретного имущества на иную меру (например, залог денежных средств), что позволяет освободить операционный актив); ответственность заявителя (если в иске будет отказано, ответчик имеет право требовать от истца возмещения убытков или выплаты компенсации за сам факт нахождения под обеспечительными мерами).

Для реализации предложения о расширении ареста в УПК РФ до возможности ограничения корпоративных и управленческих прав, необходимо симметрично внедрить в уголовный процесс элементы цивилистических гарантий.

Во-первых, при наложении ограничений на управление бизнесом суд должен в обязательном порядке рассматривать вопрос о назначении временного управляющего (или сохранении полномочий директора под контролем), чтобы актив не обесценился.

Во-вторых, необходимо закрепить в УПК РФ право лица, на чье имущество наложен арест, на оперативную замену обеспечительной меры (предоставление эквивалентного залога), что в уголовном процессе на практике реализуется крайне сложно. Без внедрения таких «защитных фильтров» расширение полномочий следователя по ограничению корпоративных прав создаст чрезмерные коррупционные риски и угрозу «процессуального рейдерства».

Сроки действия, порядок модификации и отмены мер. Динамика ограничительной меры – её способность адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам дела – является индикатором зрелости процессуального института.

В уголовном судопроизводстве срок действия ареста на имущество носит производный характер от сроков предварительного расследования и судебного разбирательства. Несмотря на то, что закон обязывает суд устанавливать конкретный срок ареста и продлевать его, на практике эта мера носит статичный характер: наложенный на ранних этапах следствия арест зачастую сохраняется в неизменном виде до вступления приговора в законную силу.

Порядок изменения ареста в УПК РФ практически не развит. Если следователь наложил арест на имущество в определенном объеме, процедура «смягчения» ограничений (например, разрешения пользования частью активов или совершения конкретной управленческой сделки)

законодательно не детализирована и воспринимается правоприменителем как исключительное событие. Отмена же меры происходит либо при прекращении дела, либо при изменении статуса имущества (если доказано, что оно не связано с преступлением), что делает арест в УПК РФ инструментом «до окончательного решения».

В арбитражном и гражданском судопроизводстве (ст. 95, 96, 97 АПК РФ, ст. 144, 144.1 ГПК РФ) действует принцип динамичности обеспечительных мер. Так, законодательство предусматривает: отмену меры по ходатайству лица, если исчезли основания для его сохранения (например, ответчик представил доказательства своей платежеспособности или обеспечил иск иным способом); замену одного вида обеспечения другим (например, перенос ограничения с операционного актива (производственного оборудования или акций) на пассивный (денежные средства на депозите суда), что исключает убытки бизнеса).

Отсутствие в УПК РФ четкого механизма замены ареста имущества на предоставление банковской гарантии или денежного залога (эквивалентного стоимости имущества) лишает бизнес возможности маневра.

Для реформирования института можно было бы внедрить в УПК РФ полноценный механизм изменения и замены ограничений. В частности, суду должно быть предоставлено право по ходатайству собственника трансформировать «полный арест» в «ограниченное обременение» (например, разрешить продажу арестованного сырья при условии зачисления выручки на спецсчет), либо заменить арест корпоративных прав на залог иного имущества. Это позволит превратить арест из «консервирующего» средства в гибкий инструмент обеспечения, сопоставимый по эффективности с арбитражными процедурами.

Итоги анализа и предложения. Завершающим критерием нашего сравнительного исследования являются правовые последствия игнорирования установленных судом запретов.

Растрата, отчуждение, сокрытие или незаконная передача имущества, подвергнутого уголовно-процессуальному аресту, влечет наказание для лица, которому это имущество было вверено на хранение (ст. 312 УК РФ). Однако уголовный и уголовно-процессуальный закон наказывает «лицо», но далеко не всегда автоматически восстанавливает положение, существовавшее до нарушения. В УПК РФ отсутствуют прямые нормы о недействительности сделок, совершенных в нарушение ареста, что вынуждает потерпевших инициировать длительные гражданские процессы по признанию таких сделок недействительными (ст. 168, 174.1 ГК РФ).

В цивилистическом процессе последствия носят комплексный характер. Помимо процессуальных штрафов, ключевым инструментом является «материально-правовая неэффективность нарушения». Орган регистрации (Росреестр, ФНС, регистратор ценных бумаг), получив судебный акт об обеспечении иска, блокирует любые записи в реестрах. Сделка, совершенная в нарушение запрета, признается ничтожной или оспоримой с момента ее совершения, что обеспечивает более высокую степень защиты истца.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о концептуальном отставании института ареста имущества в уголовном процессе от современных потребностей правосудия. Уголовно-процессуальный арест остается слабо дифференцированным инструментом. В то же время арбитражное судопроизводство выработало модель гибких обеспечительных мер, способных защищать интересы сторон в сложных корпоративных и обязательственных правоотношениях.

Для обеспечения реальной защиты прав потерпевших и интересов государства можно осуществить сближение этих институтов. Арест в УПК РФ должен трансформироваться из простого запрета на распоряжение вещью в комплексную меру обеспечения гражданского иска и возможной конфискации в уголовном судопроизводстве, способную ограничивать не только имущественные, но и: корпоративные права (голосование, смена органов управления, реорганизация); обязательственные права (переуступка требований); интеллектуальные права (распоряжение исключительными правами); управленческие права (введение особого режима контроля за деятельностью предприятия).

Заключим наш анализ следующими предложениями.

Внести изменения в ст. 115 УПК РФ:

изложить ч. 2 ст. 115 УПК РФ в редакции, допускающей наложение ареста не только в виде запрета на распоряжение имуществом, но и в виде запрета на совершение определенных действий, включая реализацию корпоративных прав (права голоса на общих собраниях участников/акционеров по вопросам ликвидации, реорганизации, смены руководства и одобрения сделок);

предусмотреть возможность возложения на собственника или иное лицо обязанности совершить действия, направленные на сохранение стоимости арестованного актива.

Дополнить УПК РФ новой статьей 115.2 «Особенности обеспечения сохранности сложных активов»: установить механизм передачи арестованных имущественных комплексов или долей в уставных капиталах под временное доверительное управление (по решению суда), если сохранение контроля за ними со стороны обвиняемого создает риск их обесценивания или уничтожения.

Подготовить Постановление Пленума Вер-

ховного Суда РФ «О практике применения судами мер обеспечения в уголовном судопроизводстве»:

разъяснить судам правомерность и необходимость ограничения корпоративных прав обвиняемых (и аффилированных лиц), если такие права используются как инструмент для вывода активов;

указать на необходимость применения «теста пропорциональности» при выборе конкретного запрета (от менее обременительного к более строгому);

закрепить приоритет немедленного исполнения судебного решения о наложении ограничений на корпоративные права путем направления уведомления в ФНС и иные регистрирующие органы в электронном виде в день принятия решения.

Обеспечить корреляцию с ГК РФ: синхронизировать положения ст. 174.1 ГК РФ с УПК РФ, закрепив, что любая сделка, совершенная в нарушение запретов, установленных судом в рамках уголовного дела (включая корпоративные решения), является ничтожной.

Реализация данных предложений позволит повысить эффективность уголовно-процессуального ареста имущества в условиях современных вызовов современной экономики и повысить уровень реального восстановления прав лиц, пострадавших от преступлений.

**Список литературы:**

[1] Зеленская Т.В. Денежные и платежные средства как объекты имущества в уголовном судопроизводстве // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023№ 3.

[2] Кумышева М.К., Шигалугова М.Х. Некоторые проблемные вопросы наложения ареста на имущество как меры процессуального принуждения // Образование и право. 2022.№ 3.

[3] Ищенко Д.П., Ищенко Г.К., Шараева Я.А. Актуальные вопросы наложения ареста на имущество в уголовном процессе // Юристъ-Правовед. 2022. № 1 (100).

[4] Сычев А.Л., Антонов М.Е. Основания наложения ареста на имущество // Вестник Университета «Кластер». Электронный научный журнал. 2022. № 1 (1).

[5] Алимова А.И. Отдельные проблемы уголовно-процессуального регулирования и правоприменительной практики наложения и обжалования ареста на имущество собственников (добросовестных приобретателей) // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2017. Т. 27. Вып. 5.

**References:**

[1] Zelenskaya T.V. Money and means of payment as objects of property in criminal proceedings // Siberian criminal procedure and forensic readings. 2023№ 3.

[2] Kumysheva M.K., Shigalugova M.Kh. Some problematic issues of seizure of property as a measure of procedural coercion // Education and law. 2022.№ 3.

[3] Ishchenko D.P., Ishchenko G.K., Sharaeva Y.A. Topical issues of seizure of property in criminal proceedings // Lawyer-Lawyer. 2022. № 1 (100).

[4] Sychev A.L., Antonov M.E. Grounds for seizure of property // Bulletin of the University "Cluster." Electronic scientific journal. 2022. № 1 (1).

[5] A.I. Alimova. Separate problems of criminal procedure regulation and law enforcement practice of imposing and appealing arrest on the property of owners (bona fide purchasers) // Bulletin of Udmurt University. Economics and law. 2017. VOL. 27. No. 5.